ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ

С пленумов районных комитетов ВКП(б)

ОБОЯНЬ. (Корр. «Курской правды»). Состоялся очередной пленум Обоянского райкома партии. Пленум обсудил вопросы об уборке и заготовках сельскохозяйственных продуктов и о работе с кадрами. С докладом по первому вопросу выступил секретарь райкома тов. Придворов.

Партийная организация района провела большую работу по выполнению обязательств, взятых в социалистическом соревновании. Теперь перед нею стоят новые серьезные задачи. Району предстоит нынче убрать 31 тысячу гектаров колосовых культур, из них 23 тыс. га придется убирать вручную. Косовица хлебов уже началась. Однако, как показали доклад и прения, в ряде колхозов еще не подготовились к этому как следует. Плохо с организацией труда. Медленно готовятся крытые тока, навесы, зерносушилки, складские помещения. Большую часть зерна в счет хлебопоставок предстоит вывезти на тягле колхозников. Эта работа в значительной мере может быть облегчена организацией дополнительных перевалочных складов. Но районный уполномоченный Министерства заготовок тов. Киреев мало проявляет инициативы в этом отношении.

Участники пленума тт. Амелин, Федоров, Евсюков и другие подвергли критике работу отдела пропаганды и агитации райкома партии. Отдел не помогает сельским агитколлективам, не распространяет опыт работы передовиков сельского хозяйства.

С докладом по второму вопросу выступил секретарь райкома партии тов. Полетаев. По обоим вопросам пленум принял решения.

* * *

СОЛНЦЕВО. (Корр. «Курской правды»). Состоялся очередной пленум райкома партии, обсудивший важнейшие задачи борьбы за урожай и вопрос о работе с кадрами.

Отмечая достигнутые успехи на севе и в уходе за посевами, выступающие в прениях вскрыли серьезные недостатки в руководстве соревнованием за выполнение обязательств, данных в письме товарищу Сталину. В районе не закончен под'ем паров, плохо с обработкой их. Особенно отстали с этими работами Белагинская и Солнцевская МТС. Во многих колхозах на культивации паров не используется живое тягло. Сильно запущены пары в колхозах Дежевского, Орлянского, Выползовского и других сельсоветов.

Острой критике участники пленума подвергли деятельность районного отдела сельского хозяйства, который оторван от жизни колхозов и по существу не знает истинного положения с подготовкой к уборке урожая. Плохо идет строительство зерносушилок и крытых токов.

На пленуме отмечалось также, что райком партии и райисполком плохо руководят отделом сельского хозяйства. Они нередко подменяли его, сковывали его инициативу. Отделы райкома слабо организуют партийно-политическую и культурно-массовую работу на селе. Руководящие партийные работники, в первую очередь члены бюро райкома, не выступают с политическими докладами в колхозах.

Активно обсуждали участники пленума и доклад секретаря райкома тов. Шумакова о работе с кадрами. Тт. Грибасов, Сухих и другие критиковали отдел кадров райкома за то, что он не изучает кадры, несерьезно подбирает и выдвигает их на руководящую работу.

КТО В КАСТОРНОМ РУКОВОДИТ ДОКЛАДЧИКАМИ?

За последние несколько месяцев руководящие партийные и советские работники Касторенского района чаще стали выступать с политическими докладами перед населением. Только за три месяца группой докладчиков райкома ВКП(б), об'единяющей 30 коммунистов, было прочитано 203 доклада в колхозах и на предприятиях.

Но при всем этом в Касторенском районе очень мало оснований быть довольным состоянием пропагандистской работы. Это прежде всего относится к ее организации, а также к идейно-теоретическому уровню публичных выступлений.

Как показывают факты, Касторенский райком партии не осуществлял контроля за содержанием докладов. За три месяца зав. отделом пропаганды и агитации райкома тов. Пронин проверил только... три конспекта, а секретарь райкома тов. Герасимов, он же руководитель группы докладчиков, вообще не удосужился заняться этим. Недооценивают в Касторном и такое важное средство контроля за публичными выступлениями, как обсуждение докладов на заседаниях группы докладчиков и в отделе пропаганды и агитации райкома.

Бесконтрольность привела к тому, что многие докладчики не готовятся к своим выступлениям, ограничиваются общими туманными рассуждениями, а также общими директивными указаниями по очередным хозяйственным вопросам. Например, тов. Евтеев в колхозе «Октябрьская революция» свой доклад «Историческое постановление февральского Пленума ЦК ВКП(б)» построил таким образом: 15 минут говорил о важности вопроса, а затем 20 минут «в общем и целом» касался задач колхоза в ближайшее время. «Надо то-то и то-то сделать», «мобилизоваться на дело подготовки к севу» и т. д., и т. п. Такое поверхностное выступление без знания положения дел в данном колхозе, без анализа недостатков в его работе, ничему не могло научить колхозников. Это же можно сказать о докладах тт. Янчкина и Давыдова, которые без подготовки выступают в колхозах. Их доклады не помогают разобраться в постановлениях партии и правительства, не обогащают сознания трудящихся, не мобилизуют их на выполнение поставленных партией задач.

Велик интерес к вопросам внутреннего и внешнего положения нашей страны в массе колхозников района. Но райком пренебрежительно относится к докладам о текущем моменте. За 3 месяца на эту тему состоялось всего... 13 выступлений. Полученная из обкома ВКП(б) 4 мая лекция о текущем моменте полтора месяца лежала в столе у секретаря райкома партии т. Герасимова неиспользованной.

Серьезнейшее упущение райкома: в большинстве колхозов и среди молодежи еще не были прочитаны доклады по биографии товарища Сталина. Вся деятельность райкома по этому вопросу свелась к... написанию путевок докладчикам. В райкоме и не подумали о проверке конспектов и степени подготовленности выступающих.

Бесконтрольность за работой докладчиков привела к тому, что письмо курских колхозников товарищу Сталину до 20 июня не было обсуждено в половине колхозов, хотя семинар с докладчиками на эту тему был проведен вовремя.

В районе нет пропаганды опыта передовиков сельского хозяйства. Здесь в нынешнем году выросло много новых звеньевых-стахановцев — Рязанцева Прасковья, Плеханова Наталья, Екатеринина Прасковья и многие другие. Они, применяя агротехнику, отлично организуя труд, превзошли знатную звеньевую района Марию Тяжкороб. Однако, о них не знают в районе. Докладчики райкома не пропагандируют их опыт.

Партийный кабинет райкома оторван от местной жизни и не помогает докладчикам. В районе есть колхозы, которые имеют пятилетние перспективные планы развития сельского хозяйства. Есть свои герои Отечественной войны, герои труда. С Касторным связана славная страница истории Гражданской и Отечественной войны нашего народа. Но попробуйте получить в парткабинете какой-либо документ или справку о Касторном. Парткабинет не оказывает помощи докладчикам в подборе справочного материала, литературы, наглядных пособий, не консультирует их.

Не организована в Касторном работа по повышению квалификации докладчиков. Члены группы докладчиков тт. Марков и Янчкин слабо работают над повышением своего идейного уровня, не изучают произведений Ленина и Сталина. Тт. Евтеев и Давыдов даже и газет не читают и не в курсе последних международных событий. Многие касторенские докладчики не читают совсем художественной литературы.

Вскрытые обкомом ВКП(б) недостатки в постановке политической работы в Касторном об'ясняются тем, что секретарь райкома тов. Герасимов и зав. отделом пропаганды и агитации райкома ВКП(б) тов. Пронин не придавали серьезного значения политическим докладам, как важнейшему средству идейного воспитания трудящихся, и формально руководили этим важнейшим участком политической работы.

Ф. МАРТЫНОВ,
инструктор обкома ВКП(б).

В Брянских лесах. Бригадир трелевщиков тов. Поляков. Его бригада ежедневно перевыполняет норму.

Фото А. Никифорова.

ПО МЕСТАМ БОЕВ

Фатежский отдел народного образования и райком комсомола организовали группу туристов из 40 учащихся 9—10 классов городской средней школы.

На-днях туристы проведут полумесячный лагерный сбор в селе Глебово этого же района. Оттуда они совершат пеший переход к историческим местам битвы на Орловско-Курской дуге. В селе Молотычи школьники посетят памятник погибшим в борьбе за курскую землю воинам-артиллеристам.

БИБЛИОТЕЧКИ ДЛЯ МТС

Для лучшего обслуживания трактористов в дни уборочной кампании, обком профсоюза рабочих и служащих МТС и земорганов послал в 38 машинно-тракторных станций библиотечки политической, сельскохозяйственной и художественной литературы.

В библиотечках произведения: Фурманова — «Чапаев», Горького—«Фома Гордеев», Гоголя—«Мертвые души», «Справочник бригадира и механика МТС», книги—«Колесные тракторы», «Ремонт комбайнов» и другие.

720000 учебников для школ

В областное отделение КОГИЗ'а продолжают поступать учебники для школ области. К новому учебному году уже получено свыше 720 тысяч книг из 1 млн. 655 тысяч, предусмотренных планом на год.

Из поступивших учебников более 400 тысяч экземпляров предназначены для 1—4 классов, остальные —для старших классов семилетних и средних школ.

Вместе с учебниками КОГИЗ получает и ученические письменные принадлежности: тетради, карандаши, перья. Уже получены 1 миллион 200 тысяч тетрадей.

А. ГОНЧАР

Голубой Дунай

Отрывки из второй части романа украинского писателя А. Гончара «Знаменосцы», носящей название «Голубой Дунай». «Голубой Дунай» будет напечатан в № 8 «Нового мира»

Однажды утром Хаецкий, возвратившись с переднего края на ферму, был поражен неожиданным зрелищем: во дворе, в саду, за скирдами и всюду по полю — слева и справа — стояли орудия, орудия, орудия...

Как будто выросли из земли.

Немцы ничего о них не знали: благодаря туманам неприятельская авиация за последние дни бездействовала.

Только что Хаецкий сел с товарищами перекусить, за окном ударила тяжелая пушка. Дом затрясся, и стекла со звоном посыпались на стол.

— Вот это я люблю! — вскричал Хома, хватаясь за шапку.—Это по-моему!

— Иштенем... Иштенем!*)—зашептал хозяин фермы, опасливо поглядывая на потолок.

Бойцы, на бегу одеваясь, выскакивали во двор.

Орудия громыхали от края до края, и чем дальше в поле, тем теснее сливались залпы в сплошной, мощно дрожащий гул.

В подворье влетел Багиров на взмыленном упругом жеребце.

— Кончай ночевать! — радостно воскликнул он и скомандовал, не вставая с седла: — На голубой Дунай!

Шура Ясногорская в это время стояла на командном пункте. Она впервые видела перед собой поле боя, знаменитую пехотную атаку. Правда, то, что она видела, мало соответствовало ее представлениям об атаках.

Перед глазами развертывался типичный для Венгрии волнистый степной ландшафт: балки, холмы, равнины и снова вереница холмов. На седом поле, словно курени, маячили скученные снопы кукурузы. Между снопами, не спеша, двигались фигуры бойцов, почти сливаясь с бесцветным фоном стерни, виноградников и кукурузных плантаций.

Бойцы шли, рассыпавшись по полю, которое постепенно повышалось. Шли, а не бежали короткими перебежками, причем подвигались не строго вперед, а пересекали поле в разных направлениях, наискось и в сторону, и даже, сойдясь группой в несколько человек, некоторое время задерживались на месте, словно о чем-то советуясь друг с другом. В это время их трудно было отличить от кукурузных снопов. Дымчатые тучи летели над полем по-осеннему низко и быстро.

— Это уже атака? — спросила Ясногорская комбата Чумаченко. Капитан, пожилой высокий мужчина с моложавым лицом и белыми, как снег, висками, стоял рядом с нею в фуфайке и ватных штанах, облепленных до колен грязью.

—Атака, атака, — ответил он, глядя в бинокль. — Артподготовка кончилась, хлопцы встали, продвигаются, чем же не атака?

Шура раньше думала, что при атаке нужно обязательно бежать, бежать по геометрической прямой, как в фильмах. А здесь бойцы шли неторопливо, во весь рост, расходясь лучами, — точно землемеры измеряли поле.

Шура за дальностью расстояния не видела, что бойцы наступают по циколотку в черноземе и бежать не могут. Ведь не сто метров предстояло им проскочить, а преследовать противника до самого вечера, потом с вечера до утра. А идут не напрямик потому, что под ногами все чаще попадаются пучки проволоки: ее нельзя задеть, чтобы не взлететь на воздух. А «ура» не кричат потому, что «ура» для бойцов не развлечение, а могучее действенное оружие, и его, как всякое прочее оружие, надлежит беречь для подходящего момента. Сейчас пускать в ход это оружие не было надобности: немцы бежали. Ошеломленные ударом артиллерии, они не скоро опомнились. Кое-где стали огрызаться пулеметами. Поле, после грохота канонады, казалось большим и тихим, как степь в летнюю полуденную пору. Потрескивали пулеметы.

Пехотинцы накатывались медленными методическими волнами. Некоторые даже напялили на себя плащ-палатки: не переставая, моросил мелкий дождь. Может быть, именно этими плащами с капюшонами и своей степенной медлительностью бойцы и напоминали девушке землемеров. Шура начинала понимать, что огромные просторы, оставшиеся за ее спиной, представляются ей бесповоротно, навсегда свобожденными от фашистов именно потому, что они из'езжены, исхожены, шаг за шагом, основательно промерены ногами пехотинца!

И хотя Шура послала вперед санитаров, а самое ее комбат не отпускал, пока не было в этом крайней нужды, Шура не могла оставаться здесь. Она решительно натянула берет, повесила через плечо санитарную сумку.

— Товарищ комбат, я... пошла.

Чумаченко не стал ее задерживать.

Вася Багиров по опыту знал, что если уж началось такое наступление, то батальон рано или поздно пойдет вперед. Чтобы не отстать от своих огневиков, старшина всегда трогался в путь заблаговременно. Еще не утихла канонада артиллерийской подготовки, а подводы минометчиков, нагруженные боеприпасами, уже мчались от фермы по направлению к передовой. Хозяин фермы, натянув драные карпетки, стоял у ворот и прощался.

— Хома!—взволнованно окликнул он Хаецкого, потрясая шляпой.— Висонтлаташо!*).

С компанейским, говорливым Хомой он хорошо сблизился. Не раз по вечерам, когда Хаецкий не стоял на посту, они часами просиживали за бутылкой вина, мирно беседуя на том удивительном всечеловеческом языке, который советские бойцы сами создавали в каждой стране за границей.

Фермер стремился из уст рядового бойца, такого же, как он, хлебороба, услышать правду о советском государстве, проверить, верно ли то, что ему годами вдалбливала в голову сельскохозяйственная газетка, которую он выписывал.

Хома за словом в карман не лез.

Беседуя с глазу на глаз с человеком чужого для него мира, Хаецкий, понятно, чувствовал себя иначе, чем со своими товарищами по оружию. С ними он мог говорить о чем угодно и как угодно. А в разговоре с этим иностранцем невольно подбирал какие-то новые, особенные слова. Он чувствовал себя в это время полпредом.

Все величие созидательной работы его Родины отсюда, со стороны, казалось Хоме как бы понятнее и ярче. Проникаясь гордостью патриота, он хотел говорить с этим мадьяром торжественно и многословно. Дома, в своем колхозе, перед каким-нибудь представителем района или области Хома, размахивая руками, орал бы о всяческих недостатках и неполадках. Если бы мадьяр услышал его там, то мог бы подумать, что вся жизнь Хомы складывается из неприятностей, трудностей, злоупотреблений бригадира и т. д. Здесь же Хома как-то сразу сумел отделить существенное от несущественного, великое от незначительного. И он рассказывал мадьяру об этом великом с гордостью и уважением. Правда ли, что крестьянин, не граф, а обыкновенный киш-газда**), может в Советском Союзе стать депутатом парламента? Что за вопрос! Как пить дать, правда! Правда ли, что крестьянские дети могут учиться в институте за счет государства? Еще бы! У самого Хомы племянник учится в Киеве.

Фермер хвалит русских коммунистов. Хому он, повидимому, тоже принимает за коммуниста. Но как только дело доходит до колхозов, тут мадьяр начинает упираться, как вол. Тогда Хома беленится, его кулаки так и свистят перед самым носом оппонента.

— Такого заядлого единоличника, как ты, я давно не встречал!— сознается Хома.—Хуже бабы! Когда-то наши бабы вот так же ТОЗ'а пугались, а нынче посмотри... Водой не разольешь! В оккупацию довелось всем селом в леса перебазироваться, к партизанам, так, все едино, и там колхозом существовали. Неужто мыслимо без него?.. Вот так, как вы тут, волками жить?.. Каждый со своего только угла глаз не сводит... Ни тебе клуба, ни тебе собраний... Как вечер—все на запор, собаки спущены, а сам ты, как пес, не спишь, всю ночь слоняешься, все стережешь жалкие свои достатки! Позабивались в хутора, как в логовища... Скажи, ну, вот ты, ходишь куда-нибудь в гости? Кум у тебя есть? По-вашему так: грызи соседа, а не то он тебя загрызет.

Хома наливает белое вино и выпивает залпом. Он и фермера учит пить «по-нашему», не переводя дыхания, а не прихлебывать, словно чай.

— Да знаешь ли ты, к примеру, —входит в азарт Хома,—как мы в Трансильвании скалы штурмовали? Думаешь, лезли напропалую? Ошибаешься, брат! Для этого у нас имеется такая штука—альпийский канат... Но это военная тайна. Факт тот, что ежели один сорвется, то остальные его поддержат. А коль один взберется на верхушку, то и всех других за собой потянет. Вот так-то мы живем. Да что с тобой балакать! Ты человек отсталый и к тому же пьян! — кончал разговор боец и с досадой махал рукой...

* * *

Позади дома, с крыши которого Черныш вел свои наблюдения, стоял другой дом такого же стандартного типа. Время от времени из его этажей вылетало хвостатое упругое пламя. Били минометы.

Сперва Иван Антонович хотел установить свои «самовары» на земле. Для этого нужно было вырубить несколько растущих во дворе каштанов—мешали стрельбе.

Хаецкий уже спустился в бункер— огромную яму под домом, чтобы достать пилы, топоры. Ференца он взял с собой переводчиком. Старый художник, как множество других беженцев, двигался вслед за фронтом до самого Будапешта. Зная уже немало людей в полку,—старшин, писарей, политработников,—Ференц на новом месте отыскивал в первую очередь «хозяйство» Ивана Антоновича. Возле минометчиков он никогда не оставался голодным. За это Кармазин, комбат Чумаченко и даже бойцы при надобности пользовались им, как толмачом. Веселый художник немало этим гордился и называл себя «партизаном».

Хома Хаецкий, хотя и бахвалился прилюдно, что уже отлично «шпрехает» по-мадьярски, однако, спускаясь в бункер, все же на всякий случай прихватил с собой Ференца.

В бункере было полно жителей —детей, женщин, стариков. Они выглядывали отовсюду: из-за куч тряпья, из-под пуховиков, жались по нарам, настланным в три ряда.

— Как в вагоне,—заметил Хома, обводя бункер хозяйским глазом.

Узнав через Ференца, что русский ищет пилы или топоры, мадьяры переполошились. Они и раньше были досмерти запуганы пропагандой о «русских зверствах» а теперь, увидев усатого, черномазого Хому с финкой на боку и автоматом за спиною, решили, что сейчас начнутся зверства. Дети ухватились за материнский подол и подняли рев.

— Что за вопли? Что они там говорят? —строго обратился Хома к переводчику. Когда дело принимало серьезный оборот, Хома всегда обращался к своему приятелю с известной строгостью и никакого панибратства не терпел. —За кого они меня принимают?

Ференц об'яснил, почему плачут дети.

— Спокойно!—поднял руку боец. — Передай, что я их не стану ни пилить, ни рубить. Передай, что пилы нужны мне для каштанов, бо они нам помеха. А молодички нехай також не жахаются, бо я на грех не пиду.

Неизвестно, как уж там перевел Ференц, только после его слов жители бункера ободрились. Молодые женщины перестали закрываться платками и, осмелев, начали просить «пана капитана», чтоб не рубил и каштанов. Это пролетарский квартал, и рабочие дети летом не видят другой зелени, кроме этих каштанов. Пусть смилостивится пан капитан над их кичи... *).

Хома, забывая об европейском этикете, задумчиво почесал затылок и, взяв в руки два топора, заявил, что такого он сам решить не может, потому что у него есть командир, старше его. Хома так и сказал, очевидно, считая себя перед мадьярами тоже командиром. К тому же они величали его паном капитаном, Хома не опровергал этого, словно не замечая ошибки. Если бы кто-нибудь из наших стал величать его офицером, то Хома, безусловно, сразу внес бы в этот вопрос ясность. А перед иностранцами он чувствовал такое свое превосходство, что и не удивлялся, как это он вдруг перевоплощается в их глазах из рядового бойца в «пана капитана». На шапке его далеко яснела вырезанная из белой жести большая звезда. Он умышленно вырезал ее покрупнее, чтоб она была видна издалека, чтоб уважали его иноземцы.

Мадьяры вслед за Хаецким послали наверх внушительную делегацию искать «старшего командира».

Иван Антонович со свойственной ему педантической сухостью выслушал делегатов через Ференца.

Он стоял в дверях первого этажа. На нем была напялена вечная плащ-палатка, которую он, кажется, никогда не снимал с той поры, как получил ее со склада. На КП эта вечная палатка давно уже стала притчей во языцех.

— Чего тут ржать? Не понимаю!—удивлялся Иван Антонович. —Плащ-палатка записана на меня. После войны я должен буду отчитаться за нее перед интендантом. Знаете, какой это народ!

Выслушав делегацию безумолку стрекотавших женщин, Иван Антонович несколько раз исподлобья окинул взглядом голые, почерневшие каштаны. Выражение его широкого, с курносым носом лица, было непреклонно. Он видел, что Хаецкий и Островский уже стоят подле деревьев с топорами наготове.

— Рубай!—скомандовал старшина Багиров.

— Постой! — медленно поднял руки старший лейтенант.

— Отставить!—гаркнул Багиров.

Иван Антонович неспеша оглядел подворье.

— Ладно!—сказал он делегации. —Пускай живет! Пускай ваши малыши, забавляясь после войны под этими зелеными деревьями, помянут и нас незлым, тихим словом. Так, товарищи?

— Так!—отозвалась огневая. — Так!

И старший лейтенант приказал установить минометы в самом доме, против окон. В такой позиции каштаны минометам не мешали.

Даже мадьярки понимали, что бойцам вести огонь со второго и третьего этажей будет опаснее, чем с земли. Но и бойцы были удовлетворены тем, что Иван Антонович амнистировал каштаны.

Было по-человечески радостно видеть, как исхудавшие матери обступили старшего лейтенанта, благодаря за подарок, сделанный ротой детям будапештской окраины. У Ференца слезы заблестели на ресницах. Он знал, что придет час, и солдатский подарок зазеленеет на радость малышам, которые, подрастая в дунайском городе, не видели Дуная, не ездили, подобно детям богачей, на белые дачи Балатона.

— А нам говорили, что русские, что коммуништы... —волнуясь, тараторила одна из делегаток.—Вы, конечно, нем коммуништ?..

Кармазин усмехнулся:

— Коммунист.

Женщины выпятили на него глаза:

— Коммуништ?

— Коммунист,—ответил Иван Антонович с заметной гордостью.

Перевод с украинского Т. СТАХ.

*) Боже мой!

*) До свиданья!

**) Мелкий хозяин.

*) Малютками.

30 ЛЕТ НАЗАД

ИЮЛЬСКИЕ СОБЫТИЯ 1917 ГОДА

Грандиозная демонстрация, стихийно начавшаяся 16 (3) июля 1917 года в Выборгском районе Петрограда, была ответом революционных масс на антинародную политику Временного правительства.

Ни одно из революционных требований народа—требований мира, земли, хлеба, свободы—к тому моменту еще не было осуществлено. Временное правительство, обманывая народ, продолжало империалистическую войну. При поддержке предателей—меньшевиков и эсеров, буржуазия пыталась задушить революцию «костлявой рукой голода». Капиталисты закрывали фабрики и заводы, массами увольняли рабочих. В мае было закрыто 108 заводов, в июне—125.

Все это усиливало революционные выступления: рабочих—в городах, солдат—на фронте, крестьян —в деревне.

Революционная борьба достигла особой остроты в Петрограде. Возмущение петроградских рабочих и солдат могло каждый час вылиться в вооруженное восстание.

Партия большевиков учитывала, что армия и провинция в тот момент еще не были готовы для поддержки восстания в столице. А один Петроград, без активной помощи других городов, многомиллионной армии и деревенской бедноты, не мог решить исхода революции. Вот почему партия старалась удержать массы от преждевременного выступления — контрреволюция могла воспользоваться им для разгрома авангарда революции.

Но уже было невозможно остановить бурно нараставшее народное движение против Временного правительства, за переход всей власти к Советам.

16 (3) июля солдаты первого пулеметного полка, вооруженные пулеметами, двинулись к Таврическому дворцу, где заседал ВЦИК Советов. Вскоре подошли туда 30 тысяч путиловцев и десятки тысяч рабочих других заводов. В зале заседания ВЦИК один рабочий-путиловец поднялся на трибуну и, потрясая винтовкой, заявил эсеро-меньшевистским руководителям Совета:

— Если вы не удовлетворите наших требований, то мы сами возьмем власть.

Характеризуя обстановку тех дней и тактику большевиков, товарищ Сталин говорил:

«Имела ли партия право умыть руки и уйти в сторону? Учитывая возможность еще более серьезных осложнений, мы не имели права умыть руки,—как партия пролетариата, мы должны были вмешаться в выступление и придать ему мирный и организованный характер, не залезаясь целью вооруженного захвата власти». (Сочинения, т. III, стр. 109).

Большевики возглавили массовое, стихийно вспыхнувшее движение рабочих и солдат. На улицы Петрограда 17 (4) июля вышло почти полмиллиона человек. Рабочие и солдаты собрались на площади у здания, где помещался Центральный Комитет партии большевиков. Перед ними с краткой речью выступил Ленин. Владимир Ильич выразил уверенность, что лозунг «Вся власть Советам» должен победить и победит, несмотря на все зигзаги исторического пути, и призвал участников демонстрации к стойкости, выдержке и бдительности.

Демонстранты организованно направились к Петроградскому Совету и ВЦИК Советов. Они требовали от Советов взять власть в свои руки, порвать с империалистической буржуазией и повести революционную борьбу за мир.

Тем временем буржуазия и ее прислужники — меньшевики и эсеры готовили кровавую расправу над революционными массами. В помощь юнкерам и офицерским отрядам с фронта были вызваны наиболее контрреволюционные воинские части. Несмотря на мирный характер демонстрации, против ее участников было пущено в ход оружие, реакционными войсками было убито и ранено в тот день несколько сот рабочих и солдат.

Разгромив рабочую и солдатскую демонстрацию, меньшевики и эсеры в союзе с контрреволюционной буржуазией и белогвардейскими генералами обрушились на партию большевиков. 18 (5) июля юнкера разгромили помещение редакции «Правды». Через два дня Временное правительство опубликовало приказ об аресте Ленина и привлечении его к суду по обвинению в «государственной измене» и организации вооруженного восстания.

Исходя из сложившейся обстановки, большевистская партия приняла новую тактику, перешла на нелегальное положение. Она укрыла своего вождя Ленина в глубоком подполье. Предатели Каменев, Рыков и Троцкий в этот момент требовали явки Ленина на суд контрреволюционного Временного правительства. Товарищ Сталин категорически восстал против этого изменнического предложения. Он спас для партии, для нашего народа, для всего человечества драгоценную жизнь Ленина.

Период от Февральской революции до июльских дней 1917 года был периодом мирного развития революции. После июльских событий политическое положение в стране резко изменилось. Не стало двовластия. Вся власть перешла целиком в руки контрреволюционного Временного правительства. Советы с их эсеро-меньшевистским руководством стали безвластными. Предав революцию, меньшевики и эсеры открыто перешли в лагерь империализма и контрреволюции.

«Движение 3-го и 4-го июля,— писал в те дни В. И. Ленин,— было последней попыткой путем манифестации побудить Советы взять власть... Теперь мирное развитие революции в России уже невозможно...» (Сочинения, т. XXI, стр. 45).

В порядок дня борьбы за социалистическую революцию был поставлен штык. Партия стала готовиться к восстанию, чтобы свергнуть власть буржуазии силой оружия и установить советскую власть. Курс на вооруженное восстание был дан партии и пролетариату VI с'ездом РСДРП(б), проходившим в период 26 июля—3 августа 1917 года.

Лозунг «Вся власть Советам», под которым наша партия вела борьбу за социалистическую революцию, с точки зрения его внутреннего развития прошел две стадии. На первой стадии—до июльской демонстрации (во время двовластия) он означал «разрыв блока меньшевиков и эсеров с кадетами, образование советского правительства из меньшевиков и эсеров (ибо Советы были тогда эсеро-меньшевистскими), право свободной агитации для оппозиции (т. е. для большевиков) и свободную борьбу партий внутри Советов в расчете, что путем такой борьбы удастся большевикам завоевать Советы и изменить состав советского правительства в порядке мирного развития революции» (И. Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 97).

После июльских дней лозунг «Вся власть Советам» был временно снят партией. Но речь шла не о Советах вообще, а лишь о Советах, руководимых меньшевиками и эсерами, превратившихся в придаток Временного правительства.

В августе—сентябре, после разгрома контрреволюционного заговора генерала Корнилова, партия вновь выдвинула лозунг «Вся власть Советам». Но это уже был не старый лозунг, его содержание коренным образом изменилось. На второй стадии этот лозунг означал: восстание Советов против Временного правительства с целью передачи всей власти в стране Советам, руководимым большевиками.

Июльские события 1917 года явились переломным моментом в борьбе партии Ленина—Сталина за победу социалистической революции. В результате этой победы наша страна стала первой страной в мире, прорвавшей фронт империализма и указавшей народам мира путь к торжеству социализма.